

- ²² Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 212.
²³ Там же. С. 214–215.
²⁴ См.: Алексеев М.Н. Драчуны // Роман-газета. 1982. № 10–11. С. 110.
²⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 234.
²⁶ Там же. С. 214.
²⁷ Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 532–533.
²⁸ Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 249–265.
²⁹ Там же. С. 198–200.
³⁰ Там же. С. 141–142; Поволжская правда. 1932. 16 октября.
³¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 303–317.

С.А. Есиков, М.М. Есикова*

Крестьянский труд и аграрная культура

Сам факт, что крестьянин живет и трудится на земле, в непосредственном взаимодействии с природой, послужил предметом множества философских концепций, поэтических произведений, художественных стилей и т. д. Еще в эпоху Возрождения философы и поэты писали о гармонии человека со средой обитания, о любви сельского жителя к пашне, хлебному колосу, всему живому. Создавалось впечатление, что эти качества, близкие тому, что ныне называют «экологическим сознанием», якобы присущи крестьянину «по определению», уже в силу специфики земледельческого труда и жизни «на лоне природы» и составляют его коренное отличие от представителей других общественных слоев.

В действительности такой взгляд является упрощенным. Формирование образа природы и отношения к ней в сознании крестьянства опосредовано социальными и культурными факторами и не должно рассматриваться как прямое следствие его трудовой деятельности. Многочисленные исследования свидетельствуют, что в крестьянской массе преобладает не романтическое или эстетическое, но прагматическое отношение к природе как предмету нелегкого труда, источнику средств к существованию. Подтверждение этого положения можно найти немало. Так, в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева корреспонденты отмечали, что у крестьян «отношение к природе потребительское. Природа, считают крестьяне, нужна затем, чтобы добыть хлеб, корма для скотины и т. п. Иных, поэтических чувств не пробуждается, и потому описания красот природы крестьянина не тро-

---

* © Есиков С.А., Есикова М.М., 2011

гают. Их смысл и значение ему объяснить трудно»¹. Поэзию крестьянского труда и быта «на природе» и в гармонии с ней следует считать вторичным культурным продуктом, созданным эстетическим воображением писателей и живописцев.

Идея единства человека и природы возродилась на новой основе — в качестве императива экологического сознания, который в ситуации нарастающей экологической угрозы с большей или меньшей глубиной осознается всеми слоями общества, в том числе и крестьянством. Однако даже сейчас активность российского крестьянства в природоохранной деятельности сравнительно невелика.

По всей видимости, не случаен тот факт, что «пасторальная культура» сложилась в Западной Европе, где природные условия земледельческого труда более комфортны, чем в России. Русских крестьян природа не баловала и не способствовала ее идиллическому восприятию. Известно, что из-за климатических условий производство единицы сельскохозяйственной продукции в России требует физических и энергетических затрат в несколько раз больших, чем в Западной Европе или Северной Америке. Это обстоятельство не могло не сказаться на формировании духовных и физических качеств крестьянского населения, особенно таких, как выносливость, долготерпение, стойкость в испытаниях, привычка к «капризам» природы, физическая сила. Постоянный дефицит времени, веками отсутствующая взаимосвязь между качеством земледельческих работ и гигантскими трудозатратами, обусловленными в значительной степени природно-климатическими условиями большей части России, не сформировали у некоторой части крестьян ярко выраженной привычки к особой тщательности и аккуратности в работе.

Одна из главных особенностей крестьянского труда в его традиционных формах состояла в том, что производимый им продукт потреблялся работниками и членами их семей, т. е. сразу же выступал в качестве «потребительной стоимости». Этим земледельческий труд отличался от труда фабричного, где производимая продукция, как правило, не используется для удовлетворения личных потребностей и служит лишь средством заработка. Это обстоятельство оказывает значительное воздействие на психологию крестьян: формируется четкая максима необходимости труда для поддержания жизни, очевидной связи между количеством и качеством трудовых затрат и их результатом. Укоренение данной максимы в жизненном опыте крестьян способствует формированию привычки к труду, трудолюбию. Разумеется, речь не может идти о трудолюбии как всеобщем, исключительном качестве крестьян. Даже при перемене рода деятельности и места жительства (миграции) у бывшего крестьянина в большинстве случаев сохраняется свойственное земледельцу серьезное, ответственное отношение к труду, крестьянская обстоятельность. Отсюда берет начало распространенная среди крестьян традиция уважения физического труда и некоторой недооценки, не-

допонимания значимости умственного, словесного, управленческого, так как в их представлении именно первый является «настоящим», поскольку требует реальной затраты сил.

Консервативность крестьянства, осуждаемая «прогрессистами» всех периодов, на самом деле является необходимым культурно-историческим фактором, противоядием всевозможным социальным авантюрам, прожектам и утопиям, охотников до которых всегда было множество.

Все приводимые выше рассуждения по поводу психологии русского крестьянства, его менталитета, необходимы для понимания проблем внедрения в жизнь деревни новых агрономических приемов и технологий, всего того, что составляет понятие аграрной культуры.

При всем значении агротехнических средств и приемов, накопленного производственного опыта в традиционной земледелии и животноводстве преобладали средства труда, данные природой: земля, физические возможности человека, тягловая сила животных, энергия ветра и воды. Именно они в первую очередь обуславливали способы хозяйственной деятельности и природопользования. От них всецело зависели выбор систем земледелия и даже видов пахотных орудий в том или ином регионе, соотношение между разными отраслями хозяйства. Ими же определялись характер поселения и расселения, повседневный быт, организация использовавшейся территории.

Традиции прошлых эпох сохраняются и обогащаются в современном народном опыте, во многом дополняющем индустриальные технологии и приспособляющему их к конкретным местным условиям. В свою же очередь, народный опыт, особенно агрономия, учитывает огромное многообразие природных экосистем. Изучение традиционных способов природопользования важно не только в прикладном отношении. Оно многое дает и в теоретическом плане. Сведения о приемах природопользования прошлых лет, уяснение механизма, посредством которого происходила смена форм обмена между обществом и окружающей средой, проливает свет на смену типов культуры и цивилизации, эволюцию социальных отношений².

Крупнейший современный исследователь истории русского крестьянства академик Л.В. Милов (1929–2008) обоснованно доказывал, что в силу суровых природно-климатических условий Россия не могла идти по западному пути социально-экономического развития. Особенностью большей части страны всегда был необычайно короткий для земледельческих обществ рабочий сезон. В пределах же Восточно-Европейской равнины краткость цикла земледельческих работ русских крестьян усугубляется преобладанием малопригодных почв. Именно эти особенности определяли и психологию земледельцев, и характер их социально-экономических отношений. И там, где люди могли противостоять естественным законам природы, они проявляли не только упорный труд, но и незаурядную изобретательность и находчивость³. Однако

в связи с ростом агротехнического уровня земледелия под воздействием процесса индустриализации оно становится менее зависимым от природно-климатических условий вследствие применения новых видов удобрений, внедрения техники, способствующей более тщательному возделыванию почвы и сокращающей время работ.

Менталитет российского крестьянства — это общинная ментальность, сформированная веками в рамках замкнутого общества. Община регулировала внутреннюю жизнь крестьянского сообщества и его связи с внешним миром, она хранила и транслировала производственный и социальный опыт, всю систему ценностей крестьянства⁴.

К началу XX в. Россия подошла страной, где крестьянство составляло подавляющее большинство населения, а мелкокрестьянское производство было самым массовым экономическим укладом. Модернизация страны, осуществлявшаяся в самые сжатые сроки, совершалась в условиях сохранившихся докапиталистических отношений в общественном строе, от экономики до духовной сферы.

В конце XIX в. процессы экономического, социального, психологического и нравственного распада общины все более становились необратимыми. Остановить их было вряд ли возможно. Меры к консервации старого порядка (а их активно предпринимало правительство вплоть до столыпинской реформы) лишь искусственно притормаживали распад общины, делая его одновременно и более болезненным. В деревне накапливалось все больше людей, которые физически оставались в пространстве былой общинной жизни, оставались на земле, но психологически и нравственно были теперь очень слабо связаны с этой жизнью, с общиной, с землей. Они выпадали из крестьянской родовой общности и утрачивали ее культуру.

«Настоящие», «истовые» крестьяне чувствовали опасность общинным порядкам со стороны полупролетариев-полукрестьян, недолюбливали их. Последние же все более и более влияли на жизнь деревни — уже хотя бы потому, что число их к концу века быстро возрастало. Между тем в общине все чаще стали отказывать защитные механизмы. В крестьянское мировоззрение никак не могло вписаться, что физически сильные и выносливые мужики нищенствуют, а мужики без земли и труда преуспевают⁵. В таких условиях для большинства крестьян привычный, комфортный мир общины начал рушиться. Все это усугублялось голодом и холерой начала 1890-х гг. Деревня неизбежно утрачивала былую устойчивость перед внешним влиянием, а крестьяне все более настороженно относились к различным агротехническим нововведениям.

В пореформенное время, особенно с 1880-х гг., Россия встала на путь модернизации аграрного сектора экономики. Это был путь медленной, но неуклонной перестройки как помещичьего, так и крестьянского хозяйства в первую очередь за счет повышения уровня аграрной культуры. Под аграрной культурой, как правило, понимают общепри-

нятые и устойчивые формы и способы хозяйственной деятельности, наиболее характерные явления массового общественного сознания сельского населения, которые проявлялись в обычаях, производственных навыках и методах работы, отношении к труду и природной среде.

Используя опыт отечественной аграрно-экономической науки, в стране за сравнительно короткий срок (около 40 лет) усилиями государства и общественных организаций, в первую очередь земства, была создана агрономическая служба, разветвленная сеть сельскохозяйственного образования и просвещения.

Степень воздействия агрономов на культуру земледелия, повышение уровня аграрной культуры трудно передать в количественном измерении. Но все-таки наиболее ярким показателем эффективности проводившихся мероприятий является урожайность крестьянских полей. При этом надо учитывать, что для возникновения и развития практической агрономии необходим определенный период времени. Радикальных перемен в этот период (1880-е – 1917 гг.) не произошло, однако статистика урожаев на надельных крестьянских землях за четверть века (1888–1913 гг.) позволяет говорить о наличии во многих губерниях реальных предпосылок для качественного скачка в развитии растениеводства, основанного на многообразии и соответствующем чередовании в севообороте сельскохозяйственных культур.

Статистика урожаев по 47 губерниям Европейской России в начале XX в. выглядела следующим образом (в пудах на десятину): в 1901 г. рожь – 43,0; пшеница – 34,0; овес – 32,9; в 1913 г. соответственно – 55,2; 58,2; 62,3. Этих результатов удалось достичь при фактическом сохранении традиционной системы землепользования.

Валовые сборы за эти же годы можно представить так (тысяч пудов): 1901–1905 гг. – 5461233,8; 1906–1910 гг. – 5895625,6; 1909–1913 гг. – 6779270,9. В % к валовому сбору за 1909–1913 гг. цифры будут следующими: 1901–1905 гг. – 80,5; 1906–1910 гг. – 87,0; 1909–1913 гг. – 100.

Как видим, валовые сборы постоянно возрастали. Основная их масса падала на группу продовольственных, затем – картофель и кормовые. Причем сбор возрастал не за счет увеличения посевной площади, а из-за роста урожайности.

Анализ урожайной статистики показывает, что уже накануне мировой войны деревня, особенно земская, вплотную подошла к введению многопольных севооборотов, так как крестьянами были апробированы нужные для этого сельскохозяйственные растения; ржаная культура, как менее ценная, постепенно отходила на второй план, а на смену ей вводились разные сорта пшеницы. Значительно улучшились пропорции сельскохозяйственных культур. Расширились посевы овса, ячменя, гречихи, бобовых и, что особенно важно, картофеля как главной пропашной культуры, без которой практически нельзя было заводить полноценный плодосмен в полевом хозяйстве. Устанавливая правильное че-

редование зерновых, гречихи, бобовых, картофеля, льна, крестьяне в большинстве губерний добились относительного повышения их урожайности и вплотную приблизились по этому показателю к помещичьим хозяйствам³.

Существенные изменения произошли и в области технического оснащения сельскохозяйственного производства. Крестьяне в составе товариществ и индивидуально приобретали усовершенствованные орудия, а порой и машины. Так, использование сельскохозяйственных машин в период с начала 1870-х гг. и до 1896 г. увеличилось более чем в 6,5 раза, а к 1912 г. — в 57 раз⁷. В целом уровень технической оснащенности российского сельского хозяйства оставался низким, но тенденция уже явно просматривалась.

Как видим, за сравнительно небольшой отрезок времени был сделан значительный скачок в увеличении урожайности и валовых сборов хлебов. Это означало, что медленно, но неуклонно начали рушиться веками складывавшиеся стереотипы и создавались благоприятные условия для формирования самостоятельных хозяйств.

Годы войн и революции (1914–1921) оказали глубокое воздействие на судьбы крестьянских хозяйств. Уравнительное перераспределение земли и ежегодные внутринадельные переделы сохраняли и углубляли неустойчивость крестьянского землепользования. Традиционное вмешательство государства выразилось в чрезмерной регламентации хозяйственной деятельности, слишком обременительной для крестьян. Выросшее в годы военного коммунизма бремя различных натуральных повинностей сказалось на производственной деятельности крестьянских хозяйств, вынуждая их сокращать посевы, менять структуру посевных площадей в пользу культур для собственного потребления, что отрицательно сказалось и на крестьянском животноводстве. В итоге неокрепшие ростки рыночно ориентированных хозяйств были практически уничтожены. Основная масса крестьянских хозяйств замыкалась рамками натурального производства.

На протяжении всего периода гражданской войны и военного коммунизма социально-экономические процессы в деревне протекали крайне неравномерно и противоречиво: если в довоенные годы отчетливо прослеживались тенденции к развитию рыночных связей, агротехнического прогресса и т. д., то в период войны и революции эти тенденции сменились противоположными. Которые вели к застою, противостоянию городу, замкнутости в собственном мире. Внешние, недеревенские факторы (войны, реформы, революции) оказывали определяющее влияние на развитие крестьянского хозяйства. Как совершенно справедливо подчеркивал профессор М. Левин, «крестьян то всячески подталкивали, то никак не давали им двигаться в нужном направлении, т. е. естественным путем».

Замена конфискационной продрозверстки натуральным налогом предотвратила всеобщее крестьянское восстание. Главной задачей новой

экономической политики было сохранение большевистского режима и формирование условий для реализации коммунистического эксперимента. Однако НЭП, по мнению большевистских теоретиков, содержал в себе новую угрозу, которая заключалась в развитии капиталистических отношений. Возникший при этом в перспективе вопрос «кто кого» заранее решался в пользу социализма путем ограничения роста капитализма устанавливавшимися пределами. Как нам представляется, 1923–1926 гг. стали временем хозяйственного плюрализма, в ходе которого крестьянские хозяйства имели возможность наиболее полно использовать позитивные аспекты НЭПа.

Время «чрезвычайщины» и сплошной коллективизации привело к серьезным изменениям в крестьянской психологии. Крестьянин из собственника времен НЭПа превращался в подневольного работника, равнодушно относившегося как к труду, так и к его результатам. За короткий срок пребывания в колхозе крестьянин превращался в лодыря и лентяя. Наиболее ярко это проявилось в 1932/33 гг., во время «рукотворного» голода, когда сплошь и рядом нарушались все необходимые агротехнические мероприятия при проведении посевных и уборочных кампаний. Ни о какой культуре земледелия речи уже быть не могло.

Примечания

¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев. Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993. С. 178.

² См.: Традиционный опыт природопользования в России. М., 1998. С. 4–5.

³ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. С. 554, 385, 483.

⁴ Подробнее см.: Данилова Л.В., Данилов В.П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996. С. 22–39.

⁵ См.: Лурье С.В. Как погибла русская община // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 160.

⁶ Подробнее см.: Есиков С.А., Есикова М.М. Сельскохозяйственное просвещение и аграрная культура России в конце XIX – начале XX веков (1880–1917 гг.). СПб., 2008. С. 160–162.

⁷ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX – начала XX вв.). М.; Тамбов, 2004. С. 79.